

Валерий ГУСЕВ

Пиратский детектив

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Сокровище затонувшего корабля

«ЭКСМО»

2000

Гусев В. Б.

Сокровище затонувшего корабля / В. Б. Гусев — «Эксмо»,
2000 — (Дети Шерлока Холмса)

Мало кому из мальчишек, читавших о приключениях знаменитого капитана Немо, удавалось не во сне, а наяву «порулить» настоящей подводной лодкой и добраться на ней до самого Средиземного моря. Диме и его предприимчивому младшему брату Алешке это удалось. Кроме того, они сумели найти затонувший корабль с находящимися в его трюмах несметными сокровищами. Но, как оказалось, отыскать в глубинах моря корабль и поднять с него слитки золота – еще полдела. Самое главное – уйти от преследования бандитов, которые решили, во что бы то ни стало, завладеть сокровищами...

© Гусев В. Б., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	12
Глава IV	16
Глава V	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валерий Гусев

Сокровище затонувшего корабля

Глава I

Скучно не будет!

Когда бывшие мамы школьные подруги спрашивают при встрече, как ей живется, она немного думает, а потом грустно отвечает: «Во всяком случае, не скучно».

И она безусловно права, как говорит папа. В нашей семье случается всякое, но скучно не бывает никогда. Только за одно прошлое лето мы с моим младшим братишкой Алешкой сначала раскрыли банду опасных квартирных жуликов, потом обезвредили банду злобных сельских рэкетменов,¹ а после всего папа увлек нас в путешествие на парусной лодке – по местам своей далекой юности – на Белое море. Там нам тоже скучать не пришлось, некогда было: то пираты, то затопленное старинное подземелье, то вынужденная голодовка на необитаемом острове, то самый настоящий морской бой, в котором мы с честью одержали победу.

Ну а уж в это лето мама категорически заявила, что мы поедем отдыхать за границу. Как люди. Например, на Канары или на Кипр.

(Деньги у нас были, потому что Алешка в перерывах между схватками с жуликами, бандитами и пиратами успел разыскать старинный клад. Да к тому же еще и громадный золотой самородок. Он, правда, щедро одарил всех наших друзей и других нуждающихся, но кое-что, вполне достаточное, чтобы добраться до Канарских островов, у нас еще оставалось.)

Мама сказала, что пора бы и нам приобщиться к цивилизации. И к зарубежным культурным ценностям. А то наши дети (это про нас с Алешкой) растут дикарями.

– На фортепьянах не играют, – хмыкнул папа.

– Не играют! Они в карты играют! Я сама видела. А по-французски помнят всего одно слово – бонжур! И одно слово по-английски – гудбай!

Тут хмыкнул уже Алешка. А я хихикнул в кулак – знала бы мама, какими английскими словами и выражениями он свободно овладел в стенах родной школы, на улице и по телевизору, она бы нас за рубеж ни за что бы не взяла. В приличное общество во всяком случае. С иными культурными ценностями тем более.

– Будем жить в пятизвездочном отеле, – мечтала мама вслух, – на берегу безопасного Лазурного моря...

– Лазурное море, – буркнул под нос папа, – по-моему, несколько в другой стороне.

– Там все моря – лазурные, – упрямо мечтала мама. – И все мужчины – джентльмены. А дети – благовоспитанные.

– Умненькие, благоразумненькие, – коварно подпел ей Алешка.

– Как Буратино, – буркнул под нос папа. В полный голос он спорить с мамой не решался.

– Вот и хорошо, – она восприняла его реплику как согласие, – выбирай фирму, оформляй визу – едем на Канары!

– Ты что! – завопил Алешка, изумленно распахнув глаза и взбив хохолок на макушке. – Что там делать?

– Умирать со скуки на пляжах лазурного моря, – холодно подчеркнул папа.

– Лучше умирать со скуки, – отрезала мама, повысив голос, – чем от страха! – И глаза ее сверкнули.

¹ Подробно об этих расследованиях читайте в книгах В. Гусева «Клад» и «Скелеты в тумане», вышедших в серии «Черный котенок». (Прим. ред.)

– Ты безусловно права, – позорно потух наш папочка. – Давай свой паспорт.

Но тут и мама растерялась. Она не ожидала такой быстрой капитуляции. Ей очень хотелось еще повоевать. Чтобы ее победа была веселее, а наше поражение сокрушительней.

– Ну... Что ж так сразу? Надо выбрать страну. Ознакомиться с условиями. Все узнать, обдумать. Я посоветуюсь с подругами. – И она ушла к своей стиральной машине.

...Школьные подруги... Это да, это неотвратимый фактор, как иногда говорит папа. Мама очень любит вспоминать свои далекие счастливые школьные годы. Особенно – какой у них был дружный класс. Мне кажется, она втайне мечтает, чтобы и наша семья стала таким классом. Чтобы мы все дружно вставали, когда она входит, и показывали, какие у нас чистые руки. Чтобы посуду дружно мыли. Дружно ходили в магазин и таскали пылесос из угла в угол...

Когда мама вышла, мы все втроем дружно переглянулись. Папа поскреб лысеющее темечко, я вздохнул, а Алешка сказал папе:

– Бери одну путевку, женскую. А мы, мужчины, – едем на твое любимое Белое море. – И гордо показал эрудицию: – Как сказал недавно Пушкин, покой нам только снится.

– Это не Пушкин сказал, – машинально поправил задумавшийся папа. – И далеко не вчера. – Он размышлял. Он хотел не потерять свой авторитет в наших глазах. Маму он тоже не хотел терять. Это было видно по его глазам. Растерявшимся. Да еще мы на него уставились. Требовательно.

– Пойду на переговоры, – вздохнул он.

Вскоре он прошел мимо нас на балкон с отсутствующим лицом и с полным тазом выстиранного и отжатого белья. Мы – за ним.

Папа застенчиво развешивал белье, пытаясь отгородиться от наших требовательных вопросительных взглядов то мокрой простыней, то мокрым банным полотенцем. Алешка шагал за ним и отбрасывал одну преграду за другой. Папа оказался загнанным в угол балкона с пустым тазиком на боку. Мне стало его жалко. Но не Алешке.

– Ну? – сказал он, выставив палец пистолетом.

– Сказала: как знаешь, – вздохнул папа и виновато поправил очки.

Короче, пока папа увиливал, а мама советовалась с подругами, мы не успели попасть в ту группу туристов, которая нам больше всего подходила, и нам ничего не оставалось, как отложить поездку или ехать на Черное море. В какой-то рекомендованный папе на работе пансионат. А маме ничего не оставалось, как согласиться ехать с нами.

А вот там, когда мы опять влетели в криминальные приключения, мне не раз приходило в голову: зачем мы не послушались нашу мамочку? И как она была безусловно и неопровержимо права! Особенно когда говорила, что лучше умирать от скуки. А не от страха. По крайней мере дольше и не так опасно.

Правда, когда наши собственные приключения остались позади, мы узнали, что тот самолет с туристами, которым мы собирались лететь на Канары, захватили террористы. И он сел на каком-то песчаном острове среди моря. Лазурного, конечно. На острове не было ни воды, ни пищи. И никаких культурных ценностей. И в конце концов, пока не пришла помощь, они их съели. Пассажиры – террористов. Поделом, конечно. Но я бы предпочел умереть с голоду, чем питаться какими-то мерзавцами.

Но это – другая история. К нашей имеющая лишь косвенное отношение.

А наша, не менее драматичная, правда, без людоедства, начиналась так...

Глава II

Таинственная дверь

Долетели мы благополучно. Двигатели шумели исправно. Никто не требовал под дулом пистолета изменить курс. Не обнаружилось на борту и взрывного устройства.

Только все время капризничала толстая вредная тетка с такими огромными сережками, что они оттягивали ее бедные уши до плеч. То ей жарко, то ей холодно. То пить хочется, то наоборот... кушать. А потом она выглянула в иллюминатор, ахнула и побледнела:

– Боже! Как высоко мы летим!

Бортпроводница терпеливо улыбнулась и сказала:

– Сейчас я попрошу командира корабля спуститься пониже. Правда, впереди очень высокие горы.

– Тогда не надо, – поторопилась тетка и стала думать, что бы ей еще потребовать...

В южном аэропорту нас встретила ослепительная тетя Женя – хозяйка пансионата «Горное гнездо». У нее были золотые, светящиеся под солнцем волосы до плеч, большие зеленые глаза и рот до ушей.

Тетя Женя подмигнула нам с Алешкой; улыбнулась, сверкнув белыми зубами, маме и, что-то шепнув папе, повела нас к большому красному открытому «Форду». Не распахивая дверцу, она просто перешагнула в машину, плюхнулась на сиденье и включила двигатель.

– Сейчас едем в порт. А оттуда на прекрасном белом катере – в мой замок на высокой морской скале. Где гнездятся чайки и пахнут магнолии. Годится? – спросила она Алешку, который уже сидел с ней рядом и нахально шарил в перчаточном отделении.

– Годится. А это что? – Алешка вытащил громадный черный длинноствольный револьвер. – «Кольт»?

Тетя Женя кивнула и ловко вывела машину из отчаянной сутолоки аэровокзала на приморское шоссе:

– У нас тут такое делается, на акватории! Завелась под водой какая-то громадная рыба, из каких-то далеких океанов, вроде акулы. Рыбаки сети штопать не успевают. И еще завелись, плюс ко всему, какие-то тайные бандиты на быстроходном катере. Берут на abordаж мирные суда, грабят пассажиров и... исчезают, будто в тумане. Приходится вооружаться.

Мама вздрогнула и побледнела:

– Я так и знала. Говорила же...

Папа вздохнул и развел руками. Он вообще как-то странно воспринял эту тревожную информацию. Будто ничего нового тут для него не было. И еще мне почему-то показалось, что с тетей Женей он уже был знаком когда-то раньше. Но они оба скрывают этот факт. Почему? Зачем? И от кого? Подозрительно что-то...

– Нас бандиты не тронут, – уверенно сказала тетя Женя. И попыталась увести разговор в безопасную сторону: – Это кипарисы, – она кивнула на стройные красивые деревья по обочинам, млеющие под солнцем. – А дальше мандарины пойдут.

Алешка оживился. Он до недавнего времени полагал, что мандарины растут на елках, новогодних. Но мама ни на кипарисы, ни на мандарины не поддавалась:

– Почему это они нас не тронут? – спросила она. Мне даже показалось, что с обидой.

– А что у вас грабить? – удивилась тетя Женя. – Какие сокровища?

– Разве что эти? – и папа кивнул на нас с Алешкой. – Ну, это смотря на чей вкус.

– Я бы не рискнула, – добавила мама с натянутой улыбкой. – Эти разбойники сами любых бандитов повяжут.

– Пояжем, – скромно согласился Алешка, небрежно так прицелился в несущийся навстречу автомобиль и звонко щелкнул языком. Автомобиль панически шарахнулся в сторону, Алешка убрал на место револьвер. – Пояжем. Опыт есть. И рыбину вашу отловим. И зажарим.

Мы мчались по шоссе, овеваемые горячим южным ветром. По обочинам мелькали кипарисы и мандарины. Позади была спокойная жизнь. А впереди – теплое заманчивое море. И приключения. Но об этом мы еще не знали. Иначе вздрогнули бы и побледнели. И так же быстро, а то еще и быстрее, помчались бы обратно.

Вскоре шоссе кончилось, и мы приехали в шумный порт, заставленный кораблями, забитый фурами и грузовиками. Ловко уворачиваясь от клыкастых и ковшастых автопогрузчиков, прошмыгивая под паучьими ногами кранов с птичьими шеями, тетя Женя подогнала машину к самому дальнему причалу и поставила ее на стоянку.

Там покачивался на ленивой зеленой волне, среди арбузных корок, небольшой, но «прекрасный белый катер». На корме, под легким полосатым тентом, уже сидели наши коллеги по проживанию в «Горном гнезде»: веселый дядька в тельняшке; пожилой, ученого вида профессор в детской панамке и в очках на носу; и... толстая вредная тетка из нашего авиалайнера с ушами до плеч. И как она здесь оказалась раньше нас? Не хватало нам такого соседства на мирном отдыхе...

Коллеги пили прохладительные напитки и ждали нас. Когда мы поднялись на палубу, профессор вежливо приподнял свою панамку, дядька в тельняшке – свою пивную кружку, а тетка, нахлобучив громадную, как спасательный круг, шляпищу, недовольно проговорила:

– Наконец-то! – И строго скомандовала капитану: – От винта!

Капитан, в белой с золотом фуражке и в белых шортах из махристо обрезанных брюк, вздрогнул и возразил:

– Мы не на самолете, мадам.

– Какая разница, – отмахнулась «мадам». Она, видно, почему-то привыкла, что с ней все соглашаются. Даже когда она говорит глупости. – И штаны наденьте. Здесь дамы.

– А у меня их нет, – засмеялся капитан и быстренько спрятался от нее в рулевой рубке. Мы отчалили.

– «Как провозжат пароходы...» – заревел дядька в тельняшке, но, тут же смолкнув, признался: – А дальше забыл. – И налил себе еще пива. Чтобы вспомнить, наверное.

Родители с тетей Женей сели пить прохладительные напитки, а мы с Алешкой прошли на носовую палубу. Смотреть, как красивый острый нос катера режет зеленую морскую воду и поднимает крутые пенистые усы. Отпуск начинался неплохо.

Катер быстро шел вдоль берега, который был сначала городской, а потом песчаный, а потом зеленый. А потом появились – словно выросли из моря, высокие скалы. Внизу они были мокрые, в водорослях и в морской пене, а повыше – сухие и горячие от южного солнца.

Капитан передал штурвал босому матросу (вся команда какая-то развеселая – кто босиком, кто в трусиках) и пришел к нам. Алешка тут же вцепился в него с расспросами про эту загадочную рыбищу из дальних океанов.

– Я ее сам видел, – похвалился капитан. – Примерно она с мой катер. И с вот такими глазищами, – он развел руки во всю ширь.

Алешка тут же похвалился, что поймает эту рыбищу, вот с такими глазами. Он, по молодости своих восьми лет, не боялся нереальных задач.

Капитан тут же подыграл ему и посоветовал снять со старой, затонувшей и выкинутой волнами на берег яхты тонкие стальные тросы вместо лески.

– А вместо крючка, – посмеиваясь, добавил щедрый капитан, – я, уж так и быть, подарю тебе кошку с тузика. Тузик – это не собака, а маленькая шлюпка. И кошка – это тоже не кот. А небольшой якорь с острыми лапами.

Алешка вежливо попросил капитана немедленно изменить курс и подойти к этой заброшенной яхте. Тут почти все наши коллеги по пансионату выразили недовольство. Особенно возмущалась толстая тетка в своих тяжелых, как висячие амбарные замки, сережках. Она затрясла ими и завопила:

– Но мы же опоздаем к обеду!

– Вам это не повредит, – вежливо сказал рассеянный профессор, похожий на Паганеля.

Тетка в ответ опять затрясла ушами, и серьги ее заблестели на солнце. На одной сережке была выложена камешками буква «Р», а на другой – «М». Тетку уже так все и звали – Р.М., а никакая не Раиса Михайловна.

– А мне повредит, – поддержал ее бывший бравый моряк в тельняшке, которого мы прозвали Боцманом. И опять наполнил свою кружку.

Капитан все-таки послушался Алешку и пристал к берегу рядом с разбитой волнами яхтой. Ее почти всю занесло песком и ракушками и забросало водорослями. Босой матрос соскочил на берег, содрал с мачты все тросы и прихватил даже выюшку – катушка такая, на которую наматывается якорный канат. И мы благополучно поплыли дальше. Под пронзительный скрип чаек и ворчание Р.М.

Тут к нам подошла тетя Женя с двумя громадными и холодными арбузными ломтиками. Мы впились в алую мякоть, на щеки и подбородки брызнул густой сок, под носами выросли красные сладкие усы. Мы стояли на чуть покачивающейся носовой палубе, сплевывали косточки в несущуюся мимо бортов катера воду, и наши лакированные от сока лица приятно оведал влажный морской ветер.

Да! Отпуск начинался прекрасно...

Мы-то ведь еще не знали, что вместе с ним уже начались опасные приключения. Догадаться не могли, что вместе с нами плывет на катере наш будущий злостный враг. И даже не один, как потом оказалось. Целая стая врагов...

– Вон мой замок, – сказала тетя Женя, забирая у нас арбузные корки, обглоданные до самой зелени. – Место безлюдное, спокойное. Сказочный пляж. Рыбалка еще та! Слово рыбака.

Перед «Горным гнездом» раскинулось море. Сзади вальяжно поднимались горы. По бокам... Ну, по бокам тоже, можно сказать, высились горы. Пансионат как бы запрятался в небольшом прохладном ущелье. Причем не на берегу, а на высоком выступе скалы. Он и вправду был похож на гнездо, которое свила подальше от людского глаза, на недоступной скале, какая-то громадная и неведомая птица. И на старинный замок он тоже был похож. Сложен из серого камня, с дубовыми воротами, с башенкой и с острыми узкими окнами в фигурных решетках.

– На крепость похоже, – сказал и Алешка.

– Так и есть, – сказала тетя Женя. – Это здание построил один богач. Ему хотелось иметь неприступный для недругов замок.

– Потому что романтично? – спросил я.

– И потому еще, что у него было много врагов. Но потом он обеднел и продал его.

– А вы разбогатели и купили? – с непосредственностью малыша спросил Алешка. – А за сколько?

Тетя Женя почему-то чуть заметно смутилась, рассмеялась, пригладила ему хохолок на макушке и ничего не ответила. Коммерческая тайна, подумал я. Но немного ошибся, как оказалось в дальнейшем. Тайна была покруче коммерческой. Криминальная, я бы сказал...

Катер подошел к бородавотому от водорослей причалу, стукнулся в него носом, и босой матрос перекинул на берег трап. Почти от причала поднимались вырубленные в скале и огражденные металлическими поручнями ступени. Все источенные за многие годы ветрами, дождями и подошвами. Тетя Женя объяснила нам, что в стародавние годы в этой скале,

наверху, была пещера, а в ней жил святой отшельник. И люди, пока он был жив, все время наведывались к нему, а потом ходили смотреть его пещеру.

– А теперь куда она делась? – спросил Алешка, зорко наблюдая за тем, как Боцман сгружает на причал его добычу.

– Никуда не делась, – пожала плечами тетя Женя. – Вход в нее заложили, и все.

– А где он? – не отставал Алешка, большой специалист по пещерам и подземельям.

– А прямо в кладовке. Я потом тебе покажу.

Ступеньки прихотливо вились по скале, постукивали под ногами расшатанными камнями, и наконец мы добрались до небольшой площадки у входа. Она была окружена тоже каменной оградой, почти скрывшейся под кудряво выющимися растениями. Была она похожа на крепостную стену с зубцами и бойницами. И даже в одном месте стояла небольшая старинная пушка на четырех маленьких деревянных колесиках. А рядом высилась пирамидка из круглых чугунных ядер.

Здесь мы остановились перевести дыхание и оглядеть открывшиеся с высоты бескрайние горизонты. Справа и слева – скалы, а впереди одно только море – то голубое, то зеленое, то цвета фольги под солнцем. А по морю туда-сюда неспешно плавают корабли, большие и поменьше.

– И пираты их подкарауливают, – мрачно угадал мои мысли Алешка. И спросил тетю Женю: – А ваша пушка стреляет?

– Не знаю, не пробовала. – Она распахнула калитку в воротах и пригласила нас в замок. И показала все помещения.

Нам понравилось – внутри тоже все было похоже на настоящий замок. В столовой – громадный камин с дровами, громадный деревянный стол, окруженный деревянными стульями с высокими спинками. По стенам висели всякие рога и шкуры добытых зверей, сабли и мечи. Мы сразу же попробовали снять по сабле, но ничего не получилось – они оказались намертво прикреплены к стене, это была такая декорация. Как на сцене театра. Хорошо, что мы тогда еще не догадывались, какие загадочные и драматические события разыграются на этой сцене...

Потом тетя Женя показала нам библиотеку и небольшой спортзал со всякими тренажерами, а также наши апартаменты и сказала, чтобы мы отдохнули с дороги и приходили потом на обед, где она расскажет о распорядке дня и программе отдыха. Нашей семье достался угловой двухкомнатный номер – одна комната с видом на море для мамы с папой, а другая с видом на ущелье – нам с Алешкой. Мы с ним сразу же сбросили кроссовки, завалились на постели и, задрав ноги, обменялись впечатлениями. И составили свою программу отдыха. И свой распорядок дня.

– Сопротивляться не будем, – шептал Алешка. – А делать будем по-своему. Я проделаю вход в пещеру, потом поймаю эту рыбицу, а ты обезвредишь пиратский корабль.

Возражать против такого распределения обязанностей я не стал – бесполезно. Уж если Алешка принимал решение, он шел к цели как хороший танк, который не остановят «ни горы, ни овраги и не лес. Ни океан без дна и берегов...». Впрочем, все это вы узнаете в дальнейшем...

После дружеского обеда вокруг стола и всяких разговоров для знакомства Алексей неожиданно для всех изъявил желание помочь тете Жене убрать посуду и объедки.

– Мы с Димой дома всегда помогаем маме, – скромно и с достоинством сказал он и подмигнул мне.

Папа надолго открыл рот, а мама от этой наглой лжи вздрогнула, побледнела и, как мне показалось, чуть не упала с высокого стула.

– Да, конечно, – сказал я, вставая. И начал собирать посуду, слепо повинуясь Алешкиным подмигиваниям. Мы перетащили посуду со стола на кухню, свалили в мойку. И тут все стало ясно.

– Теть Жень, – напомнил Алешка, – а кладовка? Вы обещали. Детей нельзя обманывать...

– А взрослых можно? – обиделась тетя Женя и вздохнула. Она уже поняла, что отделаться от Алешки невозможно.

Надо сказать, что задней стены у «Горного гнезда» не было. Вместо нее – ровная скала. Здание и впрямь, как птичье гнездо, прилепилось к горе. Тетя Женя провела нас в кладовку и там, за полками с консервами и за шкафом с посудой, показала сводчатый проем, вырубленный в камне и заложженный кирпичами на цементе.

– А зачем замуровали-то? – спросил я. – Интересно ведь. И романтично.

– Да как-то мальчонка один, вроде нашего, – она кивнула на Алешку, колупавшего ногтем шов кирпичной кладки, – заблудился там. Пещера-то ведь глубоко в скалу уходит. А дальше идет в катакомбы. Мы с вами туда съездим, на экскурсию. И не пытайся, – это она уже Алешке, который подхватил с полки консервный нож, надеясь с его помощью разобрать кладку. – Ничего не получится. Я уже пробовала.

– А динамитом?

– Динамитом? – задумалась тетя Женя. – Динамитом – нет. Не догадалась.

Алешка вздохнул. С сожалением. Но, по-моему, он притворялся. И скорее всего найдет способ «откупорить» пещеру. А там он, конечно, заблудится. И вся милиция, весь местный воинский гарнизон и МЧС из Москвы во главе с министром поднимутся по тревоге, будут его безуспешно искать, а он неожиданно объявится в самом неожиданном месте, с самой неожиданной находкой...

Тут уже вздохнул я. Хотя и не догадывался, как был недалек от истины...

Глава III

Вот это рыбка!

Скучно нам не было и в первые дни, еще до приключений. За завтраком мы слушали радио, которое всегда включал Профессор, чтобы не отстать «от событий мирового значения». Обычно таким событием было очередное сообщение об очередном нападении неизвестного пиратского судна на мирных пассажиров. И очередное заверение начальника милиции о том, что «правоохранительные органы, проведя ряд оперативных мероприятий, вышли на след морских бандитов, и скоро предстанут перед судом».

Мама, как правило, при этом бледнела, папа почему-то переглядывался с тетей Женей, Боцман хмыкал в тарелку, а Р.М. укоризненно качала головой. И все при этом молчали. Только дотошный Профессор пытался выяснить вслух: кто же все-таки в скором времени предстанет перед судом – правоохранительные органы или бандиты? Сразу после завтрака, в час утренней свежести, как выражался Профессор, мы спускались к морю и не вылезали из него до обеда. Под руководством тети Жени гоняли на гидроцикле и водных лыжах, прыгали со скалы в набегающие волны, ловили крабов и собирали ракушки. Профессор в это время наслаждался легкой прогулкой вдоль кромки берега, изредка вздрагивая от наших восторженных воплей и визгов. Р.М. недовольно похрапывала в шезлонге под зонтиком. А Боцман чаще всего исчезал до обеда – у него все время был «час охлажденного пива». Потом, в час полуденного зноя, наступал обед, во время которого только и слышалось от Р.М.: не хлюпай, не звякай, не ерзай, закрой рот. Ей очень нравилось делать всем замечания. Она самоутверждается, услышал я, как шепнул папа маме. Самоутверждалась бы где-нибудь на пустынной скале посреди моря...

Зато потом тетя Женя приносила на берег акваланг и учила нас с ним плавать. В своем зеленом купальнике и длинных ластах она была и вправду, как заметил Алешка, похожа на большую красивую и веселую лягушку, когда быстро плыла под водой. Правда, и Алешка, когда плыл с ней рядом, был тоже похож на лягушонка. Ему страшно нравилось нырять и собирать с песчаного дна разные сокровища вроде крабовых красно-белых клешней и красивых камешков. Однажды ему повезло. Он вынырнул и показал тете Жене обычный камень невзрачного дымчато-сероватого цвета. Приглядевшись, мы увидели, что внутри него будто тлеет теплый красный огонек.

– Молодец, – похвалила Алешку «большая лягушка». – Счастливчик. Это хризолит. Он приносит счастье и ограждает от всяких бед.

Алешка подарил камешек маме, которая чаще всего сидела на берегу и тревожно смотрела в даль моря: не появится ли там грозный пиратский сорокапушечный фрегат или «вот с такими глазами рыбища», которая безжалостно схавает ее любимого «лягушонка».

А папа был задумчив. И озабочен. О чем-то все время размышлял и о чем-то иногда вполголоса и кратко переговаривался с тетей Женей, когда нас не было поблизости...

А в час вечерней прохлады мы иногда спускались с тетей Женей на пляж, и она устраивала час вечернего костра и пекла на нем мидии, которые мы собирали за день.

Приходил наш вечно сонный охранник, приносил охапку дров и, зевая, уходил наверх, спотыкаясь на ступенях. А мы долго сидели у костра, слушали, как, засыпая, чуть слышно вздыхает море, шурша сонными волнами по песку, как оглушительно скрипят всегда невидимые цикады. Смотрели, как мерцают звезды, как всходит луна, как таинственно скользят в дали моря огни его кораблей. И медленно движутся к городу, над которым светит своими огнями романтический маяк.

– Это не маяк, – как-то развеяла наше заблуждение тетя Женя. – Это такой небоскреб, высоченный и узкий. Он стоит над морем, прямо над обрывом. В нем тридцать этажей. – Это она сказала с гордостью, будто сама его построила. Или этажи считала.

– Во бы там пожить, – размышлялся Алешка. – На самой крыше! Оттуда, наверное, Турцию видно. – Далась ему эта Турция.

– И не мечтай, – огорчила его тетя Женя, вороша ярко-красные угли. – Там не живут, там работают. Банкиры.

– Деньги делают?

– Ага. Это самый крупный банк на юге. «Кредит» называется...

Ну и пусть банк. Все равно красиво светится своими этажами над ночным морем...

А перед сном мы все собирались в столовой у камина как большая дружная семья. В которой, конечно, не без уroda. Вообще коллеги наши по пансионату – пенсионеры, как дразнила нас тетя Женя, – подобались интересные. И в основном хорошие. Мы подружились с ними. Кроме, конечно, противной Р.М. Она строила из себя богатую и знатную даму и всех учила, как надо жить. Особенно за столом. То Профессор не в ту руку вилку взял, то Боцман чаем хлопает, то Алешка от первого отказался.

Правда, ее никто не слушал. Даже когда она хвалилась своим мужем – отчаянным бизнесменом, который сделал капитал на торговле цветными металлами. «Наша фирма так и называется – «Русская медь». Это понятно?»

– Спекулянт? – наивно уточнил Профессор. И не менее наивно продолжил: – А почему же вы, мадам, взялись отдыхать в таком скромном заведении?

Р.М., как ни странно, не обиделась:

– Знаете, Профессор, надоели вся эта суeta и все это навязчивое подобострастие фешенебельных отелей...

– Фешенебельных, – поправил машинально Профессор.

– Какая разница... Захотелось уединиться в теплой семейной обстановке.

И испортить ее своими вредными замечаниями, прочел я в Алешкиных глазах. А Профессор кивнул, словно подумал о том же, и снова взял вилку не в ту руку. По-моему, нарочно. Наш Профессор был настоящий ученый, не то что Р.М. – барыня. Очень умный, рассеянный и дружелюбный. Он был океанолог. И все знал про Мировой океан. И щедро делился с нами своими знаниями вечерами у камина. И такое нам рассказывал про бездонное царство, что даже Р.М. открывала рот с золотыми зубами. И на них играло каминное пламя. Делом всей своей жизни Профессор считал сбор сведений о разных судах, затонувших со всякими сокровищами. Он собирал эти сведения в толстую тетрадь. На каждый корабль была своя страница: где затонул, при каких обстоятельствах, на какой глубине и какие сокровища унес с собой в морскую пучину.

Особенно внимательно слушал его рассказы Боцман. Он ведь был когда-то моряком, служил на подводной лодке. Потому мы его Боцманом и прозвали. Обычно он задумчиво подбрасывал поленья в камин и мурлыкал: «Когда усталая подлодка из глубины идет домой...» Дальше слов не знал и переворачивал свою пластинку. На той стороне у него было: «Как провозжают пароходы...» И тоже – всего одна строка. Бросил полено – всплыла подлодка. Бросит другое – пароходы провозжают. Сначала немного надоедало. А потом мы привыкли – как к непрерывному и однообразному звуку цикад. И шороху волн по песку.

Но вот когда Профессор начинал очередной рассказ о затонувшем паруснике с грузом золотых монет, песня Боцмана глохла, а его красное от огня волосатое ухо поворачивалось, как у собаки. И ловило каждое слово рассказчика. В этом было что-то тревожное и жуткое...

Море было большое и лазурное. Небо – синее. Далекий берег – золотистый снизу и зеленый сверху. А мы сидели в лодке и ловили всякую морскую рыбу: лобана, кефальку, даже вредную скорпену. Собственно говоря, ловили мы с папой, а Алешка, скептически похмыки-

вая на наш улов, без всякой зависти мастерил на носу какое-то устрашающее приспособление из якорной вьюшки, лодочной кошки и яхтенных тросов. Чем-то похожее в целом на гарпунную пушку для охоты на китов. Или громадную удочку для ловли «вот такой рыбищи». Мы с папой посмеивались, но в глубине души не сомневались, что затея ему удастся. Любая, самая фантастическая идея превращалась, если мой братишка брался ее осуществить, в простенькую, быстро решаемую проблемку. Стоило ему, например, прочитать, как жители Простоквашина пошли с чемоданом в лес за кладом, он тут же с таким же успехом повторил их опыт. А однажды, дожививым вечером на даче, листая со скуки какой-то журнал, он узнал, что человеку, которому удастся создать летательный аппарат, приводимый в действие мускульной силой, положена громадная Нобелевская премия. Там еще говорилось, что пролететь на нем изобретатель должен сколько-то километров, через Ла-Манш, что ли? Алешка хмыкнул и на следующий день за полчаса соорудил конструкцию из велосипеда, двух зонтов и лопастей старого «вертилятора»... Хорошо, что папа в это время шел со станции. Он успел подпрыгнуть и схватить Лешку за ноги, когда тот пролетал над ним, разогнавшись с горки.

– Доволен? – сердито кричал Алешка, вырываясь из папиных рук и показывая, как скрывается вдаль над лесом его летательный аппарат, приводимый в действие мускульной силой. – Кто-нибудь его поймает и премию вместо меня получит! Доволен?

– Я доволен, что ты остался с нами, – пыхтел папа, с трудом удерживая авиатора, рвущегося в бескрайние просторы. – Фиг с ней, с этой премией. Ты нам дороже.

Я уверен: когда Алешка узнает в школе, что вечный двигатель невозможен, он тут же – из спичечного коробка, катушки от ниток и еще какой-нибудь ерунды – создаст этот несоздаваемый двигатель, и тот будет работать хоть сто лет. А всякие ученые мужи будут скрести свои умные затылки и хлопать себя по мудрым лбам.

...Алешка осмотрел свое устройство, выбрал из нашего улова самого большого лобана, привязал его к кошке и, поплевав, как положено для рыбацкого счастья, зашвырнул в море. Плюхнуло здорово. И сейчас же под нами, в сумрачной зеленой глубине, у самого дна, метнулась серая тень. Трос натянулся, зазвенел, вьюшка-катушка начала бешено вращаться – рывок, и наша лодка, сорвавшись с якоря, помчалась в открытое море. Трос, косо уходя в воду, резал ее как бритва, казалось даже, что он шипит в воде, разогретый огромной скоростью. А за кормой бурлили буруны.

– Вот она! – в восторге орал Алешка. – Попалась!

– Она нас в Турцию утащит, – беспокоило сказал папа, оглядываясь на убывающий вдаль родной берег. – Давай ее отпустим...

– Щас! Разбежались!

Отпустим, грустно подумал я. Кто кого поймал-то? И в этот момент трос лопнул где-то в глубине, свистнул как Соловей-разбойник и бессильно опустился дальним концом на дно моря. Папа вздохнул с облегчением. Алешка взвизгнул от разочарования. И стал наматывать трос на вьюшку.

– Вот это рыбка! – приговаривал он. – Видал, какие глазищи? – И, как капитан катера, раскидывал руки во всю ширь. – Только они почему-то у нее на спине.

А папа, осмотрев конец троса, словно перекушенный острейшими гигантскими кусачками, задумчиво проговорил:

– Да, большая рыбка. Со стальными, похоже, зубами. – И задумался еще больше.

– Ну погоди, – с угрозой проворчал Алешка куда-то вдаль.

Но на рыбалку с папой мы больше не ходили. Когда мы, восторженные и расстроенные, добрались до берега, нас уже ждала мама с телеграммой в руке: папу срочно отзывали из отпуска. Такая уж у него работа.

– Я с тобой, – сказала мама. – Я никогда не оставляла тебя в трудную минуту. Не оставляю и теперь. – Мама, оказывается, знала, что папу посылают в заграникомандировку – не то в Австралию, не то в Австрию.

– А мы?! – в один голос завопили ее дети.

– А вы останетесь здесь, – подошла к нам хозяйка «Горного гнезда» рыжая тетя Женя. – Скучать не будете. Слово рыбака.

И мы обрадовались. Тетя Женя, большая лягушка, нам очень нравилась: красивая, умная и веселая. Папа говорил, что это очень редкое сочетание в одной женщине. Он, мол, за всю жизнь только вторую такую встречает. (Первая, конечно, наша мама, его жена.) Маме она тоже понравилась (несмотря на эти папины слова), потому что у тети Жени в ее школьные годы тоже был очень дружный класс. Такой дружный, рассказывала она, что после школы весь класс дружно пошел служить в милицию.

– И вы, Женечка, тоже? – ахнула мама.

– Конечно, – засмеялась тетя Женя и вдруг осеклась и, как-то виновато взглянув на папу, вильнула как золотая рыбка хвостом: – Но это было давно...

– И неправда, – поддержал ее за чем-то Алешка...

Перед отъездом, собирая вещи, мама выставила нам свое первое требование. Или наставление:

– Вы должны дать мне слово, что будете беспрекословно выполнять все указания Евгении Семеновны. И не будете обижать тетушку Р.М. Она славная. – Алешка на это «славная» изумленно выпучил глаза и вздыбил хохолок на макушке. И машинально кивнул, давая согласие.

Глава IV

Пираты!

Сегодня, дорогие гости, – сказала за завтраком тетя Женя, – нас ждет интереснейшая экскурсия. В одиннадцать часов за нами придет прекрасный белый катер, и мы отправимся в старые катакомбы.

– Зачем? – холодно спросил Алешка, намазывая хлеб маслом.

– Как это зачем? – возмутилась тетка Р.М. – Тебе неинтересно? А руки ты мыл?

После отъезда наших родителей этот вопрос она задавала Алешке при каждой встрече. Двадцать раз на дню. Будто у него не две руки, а сорок.

– Мыл, неинтересно, – лаконично ответил он сразу на оба вопроса, впиваясь зубами в бутерброд. – А интересно в эти катакомбы из кладовки пролезть! Теть Женя, можно я лучше на гидроцикле погоняю?

– Не выйдет, дружок, – улыбнулась тетя Женя, – не увиливай от культурной программы. Я твоей маме обещала.

С Алешкой у них были прекрасные отношения. Основанные на том, что с первого дня тетя Женя предупредила за обедом всех постояльцев:

– Гидроцикл у меня всего один, поэтому... – она посмотрела на Алешку, и он ее понял без слов. Но не только он.

– Вот еще! – заявила вредная Р.М. – Я тоже хочу освоить это транспортное средство.

– Вы его утопите, мадам, – сказал Профессор. – А мальчику...

– А мальчику, – рассердилась Р.М., – надо почаще мыть руки!

Когда наши родители уехали, Р.М. взялась за наше воспитание всерьез. И сейчас она стала доказывать, что если Алеша не посетит эти самые катакомбы, то у него останется пробел в эстетическом воспитании на всю жизнь.

– Ну и пусть, – сказал Алешка.

– Я этого не могу допустить, – возразила тетя Женя. – Живо собирайтесь. Не пожалеете.

Это точно. Не пожалели. Запомнили эту поездочку на всю жизнь. Пробел заполнили. В своем эстетическом образовании. В разделе «Пираты XX века». До сих пор, как вспомню, так холодею изнутри и снаружи.

Вначале-то все хорошо было. Пришел белый катер. Мы все на него ловко попрыгали с причала. Только тетка Р.М. свалилась на палубу, как с дивана во сне. Но капитан быстро ее подхватил и поставил на ноги. И белый катер, завивая винтом буруны, помчался вдоль скалисто-каменистого берега и золотых пляжей. Усеянных песком, зонтиками и загорающими. Быстро домчались до пустынного берега, пристали к нему и стали взбираться по скалистой тропе. Тетя Женя ловко, как дикая коза, скакала впереди, мы карабкались за ней, а последней, как улитка на капусте, пыхтя ползла Р.М.

У входа в катакомбы – это был, так сказать, парадный вход – экскурсовод пересчитал нас по головам, выдал каждому по свечному огарку и отпер железную решетку, закрывавшую вход в подземелье.

– Еще раз напоминаю, – строго сказал он, глядя почему-то на Алешку, – о требованиях безопасности. В катакомбах можно легко заблудиться и бродить там, в темноте и холоде, всю оставшуюся жизнь. Поэтому идти строго друг за другом, никуда не сворачивать и не отставать. Впереди идет еще одна группа. Попрошу с ней не смешиваться. Всем понятно?

– Всем, – за всех ответил Алешка.

Спустившись глубоко вниз по крутому провалу, экскурсанты цепочкой пошли узким и низким проходом куда-то в темную даль. Мы с Алешкой шли в середине цепочки, за нами

– тетя Женя. Впереди и сзади светлячками мерцали слабые огоньки свечей. Было холодно и страшно. И я подумал, как люди здесь жили месяцами, да еще и воевали с врагами. И выдерживали не только подземелье, но и все гадости фашистов: они закачивали в подземелье морскую воду мощными насосами, чтобы затопить его; они запускали сюда вредные газы, чтобы удушить партизан, бросали в штольни гранаты. И отравленную пищу. (Это нам все экскурсовод по пути рассказывал). И партизаны ничего этого не боялись. А я, если честно, даже переночевать здесь не согласился бы.

Особенно интересно было в одной большой комнате. Здесь были вырублены в стенах такие ниши, в них партизаны спали после боев. Стоял простой стол, на нем коптилки из снарядных гильз, две мятые миски и солдатский котелок, из которого торчала алюминиевая ложка. На стенах висели автоматы, дырявый от пуль ватник и портрет Ленина в рамочке, вырезанный из газеты. Была даже полка с книгами. Казалось, что обитатели этой комнаты вот-вот вернуться с боевого задания, сядут за стол и будут есть гречневую кашу, вспоминая эпизоды горячего боя. И читать героические надписи на стенах, выцарапанные штыком: «Смерть фашистским оккупантам!» и «За Родину, за Сталина!». Были, правда, и другие надписи на стенах. Противные. Они уже в наше время появились. Сделанные гадкими руками. «Я бы их отрубал без жалости», – сказал экскурсовод. И мы все с ним согласились. И пошли дальше, смотреть подпольную типографию, где партизаны печатали свои листовки.

В общем, в катакомбах нам очень понравилось. Даже интересно было. Особенно когда потерялась тетя Женя. Куда-то свернула и – исчезла. И Алешка исчез тоже. Хотя я послушно выполнял второе мамино наставление: крепко держал его за руку. Но я не успел еще испугаться, как он появился снова. Вот с такими глазами! Он поманил меня пальцем и шепнул:

– Кого я видел! С тетей Женей!

По его голосу и глазам можно было подумать, что он видел с тетей Женей какое-то подземное чудовище.

– Папу! Они шептались!

Фантазер. Папа давно уже в Австрии. Или в Австралии.

– Не веришь? Они там о какой-то ерунде говорили, я подслушал. О какой-то знакомой тетке Марье. Папа сказал, что ее купила какая-то кривулька. За очень большие деньги. И эта Марья занимается теперь не наукой, а грабежом.

«Чушь собачья!» Я так и сказал Алешке. Шепотом. Чтобы другие не слышали.

– Вот и не чушь! Что, я папину начинающую лысину, что ли, не знаю! Сходи посмотри.

Но посмотреть папину лысину не пришлось. Тетя Женя, как привидение, выплыла из бокового прохода и спокойно заняла свое место в строю экскурсантов. Никто и не заметил ее отсутствия. Кроме нас и Р.М. Она покосилась на тетю Женю, потом на Алешку, видимо, хотела спросить его про руки. Или еще про что-нибудь. Но передумала. Вскоре мы, полные впечатлений, с облегчением выбрались на белый свет, сдали экскурсоводу свои огарки и, шурясь от солнца, спустились к катеру.

– Все здесь? – спросил капитан. – Никто не заблудился?

Мы переглянулись – и обнаружили, что с нами нет Боцмана. Тетя Женя нахмурилась. А Р.М. поспешно сказала:

– А он с нами и не ходил! Он наверху остался – свое любимое пиво пить.

А меня что-то кольнуло вдруг, какое-то беспокойство – я точно помнил, как Боцман ворчал где-то сзади, когда мы спускались по ступеням. И в проходе он две свои короткие песни напевал – про пароход и подлодку.

– Врет, – шепнул мне и Алешка. – Он с нами шел. – И сказал вслух: – А вот и нет. Боцман с нами шел.

Р.М. так рассердилась! И сказала:

– Старших нельзя поправлять. Им надо верить!

«Даже если они врут?» – прочел я в Алешкиных обиженных глазах.

– Ждите меня здесь, – сказала тетя Женя. – Я сейчас. – И опять как дикая коза поскакала по скалам вверх.

– Врет Р.М., – шепнул мне Алешка. – Я слышал, как она с Боцманом в сторонке переговаривалась. Она ему еще сказала: «Хватит ерундой заниматься. Беритесь за большое дело».

– А он ответил: «Бусделано, шеф» и опять про подлодку запел.

Странно как-то это все. Непонятно. И неприятно.

Вернулась тетя Женя быстро и всех успокоила: экскурсовод сказал, что на выходе опять всех пересчитывал по головам, обе группы – и все сошлось. Не заблудился, значит, наш бравый морской Боцман.

А что-то здесь все-таки не то!

Капитан дал звонкий свисток и отчалил, а мы уселись вокруг столика, под полосатым тентом, пить кока-колу. И никто не заметил, как откуда ни возьмись, будто из густого тумана, которого вовсе и не было на ясном море, нам преградило путь странное небольшое судно с двумя круглыми иллюминаторами, меж которых торчал ствол какого-то орудия. Капитан резко сбавил ход. На странном судне откинулся люк и появился человек с автоматом в руке. Он дал короткую очередь в воздух и сказал в мегафон:

– Стоп машина, капитан! Это нападение. Экипажу и пассажирам сдать все ценности моему матросу.

На нашем корабле – всего один капитан, всего один матрос и ни одного оружия. Значит, мы беззащитны. Странное пиратское судно скользнуло к нам и стало борт к борту. Второй человек из второго люка, в маске и тоже с автоматом, протянул в нашу сторону большой, широко раскрытый парусиновый мешок. Пассажиры, парализованные страхом и наглостью, подходили к мешку по очереди и бросали в него все, что считалось ценностями.

– А у меня ничего нет, – скрипнув зубами, сказал капитан, – кроме фуражки и штанов.

– Оставь их себе, охламон, – заржал капитан пиратского судна.

– На помойке небось подобрал?

Р.М. бросила в мешок свои сережки. Но ее освободившиеся от тяжести уши так и остались висеть, как у грустного спаниэля, – уже привыкли. Профессор машинально бросил в мешок часы, обручальное кольцо и пустую пивную бутылку. Он не сводил глаз с пиратского судна, хмурился, будто силился что-то вспомнить, и что-то бормотал. – Счастливого плаванья, – матрос подбросил мешок в руке с яркой татуировкой – раскоряченный синий якорь. – Маловато что-то, – рассмеялся он и исчез в люке вместе с мешком. Капитан пиратов нырнул в свой люк.

Судно мягко тронулось, легко и плавно заскользило по глади моря. Алешка размахнулся и в сердцах швырнул ему вслед бутылку колы.

Она ахнулась в корму – и судно исчезло прямо на наших глазах.

– Подбил, что ли? – удивился наш капитан. – Утопил! Ну молодец!

Алешка, как капитан Немо, задумчиво скрестил руки на груди и проговорил:

– Теперь я, кажется, что-то начинаю понимать...

А Профессор, стоя рядом, добавил рассеянно:

– Где же я это видел?

Вернувшись в «Горное гнездо», мы собрались в столовой. Тетя Женя позвонила в милицию, сообщила об очередном разбойном нападении пиратов. Положив трубку, начала нас успокаивать.

– Да, вам хорошо, – заныла Р.М., – у вас нечего было грабить. А я лишилась своих дорогих сережек, которые подарил мне любимый муж.

– Ну да, – посочувствовал ей Профессор. – Русская медь.

– Никогда! – вскричала в негодовании Р.М. – Слышите! Никогда Раиса Кривулько не носила меди в ушах!

Алешка распахнул глаза и уставился на меня. Кривулько! Это, оказывается, ее фамилия! А ведь это слово он совсем недавно слышал в катакомбах. От человека, похожего начинающей лысиной на нашего папу!

Ну и дела!

– А вам, Профессор, – продолжала вопить, как обсчитанная торговка, Р.М., – вам вообще жалеть не о чем. Вы и так все теряете. Все равно потеряли бы и свои часики!

Тут в дверях послышалось довольное бормотание «усталой подлодки» и вошел наш бравый Боцман. Сразу запахло пивом – и обстановка разрядилась. Все стали наперебой рассказывать ему о том, что произошло после экскурсии. Боцман вертел головой от одного к другому и приговаривал:

– Да ну! Вот это да! А они что? Ни фиги себе! Хорошо, я в эти катакомбы не полез...

Мы с Алешкой переглянулись. Еще одна загадка!

– Лучше пиво пить. Безопаснее.

И тут я поймал взгляд тети Жени. Она так внимательно смотрела на Боцмана, как мама на Алешку, когда он нахально что-нибудь врал.

– Ладно, братцы-матросики, – принялся успокаивать нас Боцман. – Чего не бывает на море в тумане. Еще хорошо отделались.

– И верно, – поддержала его тетя Женья. – Давайте пообедаем и поскорее забудем этот печальный эпизод.

– Да, – опять заныла Р.М., – у вас-то ничего не отобрали!

– А вам было бы легче в противном случае, мадам? – вежливо укорил ее Профессор.

Р.М. не ответила.

После обеда мы разбрелись по своим комнатам – тетя Женья строго следила, чтобы днем все без исключения обязательно отдыхали.

– Ну? – спросил я Алешку, едва за нами закрылась дверь. – Что все это значит, сэр?

«Сэр» неторопливо разделся, высыпал в корзину для бумаг песок из кроссовок, улегся и отвернулся к стене:

– Не мешай мне, я буду думать.

... Думал он долго. Я разбудил его перед самым ужином. За которым все постарались не вспоминать о дневном приключении, не самом удачном в наших биографиях. И попросили Профессора, чтобы отвлечься, продолжить свои лекции о подводных чудесах.

– ...Вообще говоря, – начал он свой очередной рассказ, раскуривая у камина трубку, – море скрывает в своей глубине несметные сокровища...

– Золото? – перебил его Боцман.

– И золото, конечно, – улыбнулся Профессор и надолго замолчал, раскуривая трубку. – Представьте себе, сколько кораблей с ценными грузами за всю историю мореплавания нашли свой последний причал в глубинах океана. И лежат эти сокровища в вечном мраке и покое десятки и сотни, даже тысячи лет...

– И еще столько же пролежат, – буркнул Алешка, звеня ложечкой в стакане.

– Не брякай, – сделала ему замечание Р.М. – Ты не в чайной.

– Ну почему же, – продолжил Профессор, не обратив на нее внимания. – Примеров удачного подъема судовых грузов достаточно много. Не далее как десять лет назад с затонувшего на глубине ста двадцати метров теплохода «Каир» было поднято восемь тонн золотых слитков и почти сорок тонн серебра...

– На общую сумму?.. – деловито уточнил Боцман, будто он сам участвовал в подъеме ценного груза, и почему-то посмотрел на Р.М.

Профессор опять улыбнулся.

– На общую сумму около миллиона фунтов стерлингов. – Он похлопал трубкой и добавил: – Да примерно на такую же сумму золота осталось в трюмах несчастного теплохода.

– Я б не оставил, – проворчал Боцман. – Все до штучки бы выбрал. – И пропел недовольным голосом про подлодку.

– Кстати, – вспомнил Профессор. – Институт океанографии, руководить которым в свое время имел честь ваш покорный слуга, спроектировал и заказал одному военному ведомству специальную подводную лодку для розыска и подъема со дна моря ценных грузов с затонувших кораблей.

– А где она? – вскочил Алешка. Ему тоже, видно, не терпелось поднять со дна океана тонн десять золотых слитков. И тонн пятьдесят серебра.

Профессор развел руками:

– К сожалению, времена изменились, и мы не смогли выкупить свой заказ. Так что, где теперь плавает наша «Марфа» – бог весть. Да и плавает ли?

– А почему «Марфа»? – уточнил Алешка.

– По первым буквам названия: Малогабаритный Автономный Реактивно-Форсированный Аппарат для подводных исследований. – Профессор заметно погрузтел. – Я ведь ее даже не видел, только в чертежах и разработках... А лодка получилась славная!

– Большая? – с надеждой спросил Алешка, будто собирался ее купить и ему было очень важно, чтобы сокровищ в нее побольше влезло.

– Зачем большая? Совсем небольшая. Со среднюю акулу. На двух человек экипажа – командира и инженера. Но зато все на автоматике, оборудована бортовым компьютером. В него закладывают нужные данные, ну, к примеру, маршрут, глубину – нажимают кнопку, и все. Она сама мчится со страшной скоростью в место назначения...

– И как вмажется с этой скоростью в какую-нибудь подводную скалу или в какое-нибудь несчастное судно! – пообещал Алешка.

– А вот и не вмажется! – по-детски возразил Профессор. Даже с обидой. – Она любое препятствие за целую морскую милю чувствует. И стороной обходит. А потом на прежний курс ложится. А впереди у нее есть такой манипулятор, похожий на пушку – им можно поднять со дна моря целый танк. Или наоборот – крохотный камешек. И этим же манипулятором можно разрезать под водой, как масло ножом, любое железо, даже броню боевого корабля. Так что, найдя затонувший корабль, можно без всякого труда пробраться в него, вскрыть сейфы и забрать на борт лодки их содержимое...

– Все до штучки, – щелкнул пальцами Боцман и опять почему-то посмотрел на Р.М.

А та почему-то отвернулась. И опять сделала Алешке какое-то бессмысленное замечание, ну совершенно не в кассу. Профессор полистал свою знаменитую тетрадь, полную подводных кладов.

– Да... – мечтательно протянул Боцман, – щас бы вашу лодочку, да полистать вашу тетрадочку...

– Это зачем? – встревожился Профессор. И, как ребенок игрушку, спрятал тетрадь за спину.

– Ну как же! Выбрали бы что-нибудь поближе. Да на небольшой глубине. Снарядили бы экспедицию. – Размечтался старый морской волк. – Алешка – командиром, я – манипулятором. Эх, разбогатели бы разом! И навсегда.

– За чем же дело стало? – как-то презрительно улыбнулся Профессор. – Вот, – он просмотрел записи, заложил страницу пальцем, – недалеко отсюда, на глубине всего-то тридцать метров, на скальном грунте лежит теплоход «Тасмания». В его трюмах больше золота, чем было на «Каире». Да еще, в сейфах, драгоценности двухсот пассажиров.

– И где же он лежит? На этом скальном грунте?

– В Средиземном море. У Мессинского пролива.

– Где Сцилла и Харбида? – поторопился проявить эрудицию Алешка.

– Хариеда, – поправил Профессор.

Смолчать бы Алешке в этом месте. Нет, ляпнул-таки:

– Они кусаются?

Профессор расхохотался от души:

– Нет! Они не кусаются. Они пожирала древних мореплавателей. Которые между ними проплывали. Узким проливом. Сцилла – чудовище с шестью головами на длинных шеях и с двенадцатью когтистыми лапами...

– Вроде динозавра? – уточнил наш эрудит.

– Ну, похоже на то, – не очень охотно согласился Профессор. – Так вот, Сцилла сидела на скале по одну сторону пролива, а Харб... извините, Хариеда пряталась в глубине вод у другой стороны...

– А она как выглядела?

Профессор виновато развел руки.

– Не знаю, юноша. Ее никто не видел. А кто видел, уже никому рассказать не успел.

– Понятно. Значит...

– Вот именно. С той поры выражение «между Сциллой и Харб... Хариедой», – ученым тоном продолжил Профессор, – означает подвергаться одновременно двум серьезным и равновеликим опасностям.

Не знаю, как Алеха, а я в это время почувствовал себя окруженным со всех сторон этими харидами. С равновеликими опасностями.

– В этом проливе и лежит «Тасмания», – заключил Профессор.

– И координатки у вас есть? – хитренько как-то спросил Боцман.

– «Координатки» есть, – усмехнулся Профессор. – Да вот лодки нет.

Боцман щелкнул пальцами и опять посмотрел на Р.М. Чего они все время переглядываются? Тут ворвалась в столовую тетя Женя:

– Все, дорогие пансионеры! Спать до утра. Спокойной ночи. Гашу свет.

Мы пошли проводить Профессора в его комнату – он все время забывал, где он живет, и то в одну чужую комнату сунется («извините»), то в другую («простите великодушно»).

– Вы очень неосторожны, Профессор, – сказал я, когда мы шли по коридору. – В вашей тетради такие ценные сведения! А вдруг они попадут в чужие руки?

– Друзья мои, – он положил нам руки на плечи, – юные друзья мои, неужели вы тоже думаете, что я такой простофиля?

Тут мы с Алешкой не выдержали и рассмеялись. И Профессор с нами. Дело в том, что когда мы все познакомились, он так и сказал, представляясь:

– Филипп Аристархович. Имя достаточно сложное, так что можно называть меня просто Филя.

Но надо сказать, простофилей его называла только Р.М. И то – за спиной и вполголоса.

– Так вот, друзья мои. Записи координат в моей тетради зашифрованы. И ничей чужой глаз никогда их не расшифрует.

– Очень сложный шифр? – спросил я. А Алешка рот открыл, ожидая ответа. Он, мне кажется, не прочь бы за сокровищами понырять.

– Очень простой. К каждой координате я прибавил одно число. И это число...

– Известно только вам, – догадался я. – А вдруг вы забудете?

– Нет. Я все время повторяю его про себя. Для тренировки. Так что если кто-то, по моим данным в тетради, станет искать сокровища на дне морей и океанов, он ошибется на несколько морских миль.

– Здорово, – сказал Алешка разочарованно.

– Не горюй, отрок, – улыбнулся Профессор, прощаясь с нами у своих дверей. – Когда мы выкупим «Марфу», обещаю: ты первый спустишься со мной в таинственные глубины на поиски морских сокровищ. – Он поправил очки, удивленно посмотрел на дверь и спросил:

– А куда это вы меня завели?

– Это ваша комната, – сказал Алешка. – С точностью координат. Без всяких шифров.

– Благодарю вас, юные друзья. Доброй вам ночи.

Когда за ним закрылась дверь, я с грустью подумал о том, что с такой рассеянной памятью даже сам Профессор никогда не сможет воспользоваться плодами своих сорокалетних трудов. Не говоря уже о посторонних лицах, вроде нас, например. Мы пошли к себе. Улеглись. Я уже начал задремывать, но тут вдруг Алешка сказал ясным голосом:

– Ничего, Дим, мы с тобой скоро на подлодке поплаваем. – Помолчал. – Про сокровища не знаю, а подводным миром полюбуемся. И Хариеду эту подводную разглядим. Открытие сделаем.

– Что? – я даже подскочил от неожиданности.

Алешка не ответил. Видимо, просто во сне пробормотал.

Глава V

Самое чрезвычайное происшествие

Утром я напомнил Алешке его вечерние слова. Сначала он сделал вид, что не понимает, о чем я его спрашиваю, а потом важно сказал:

– Все в свое время. Нельзя опережать события.

И мы пошли завтракать. В столовой, как обычно, включенное Профессором радио сообщало о «событиях мирового значения».

Мы как раз остановились в дверях и открыли рты, чтобы со всеми поздороваться. Но не сказали ни слова, а так и остались стоять с раскрытыми ртами.

«... Иными словами, – взволнованно говорил диктор, – произошло самое большое и самое загадочное ограбление банка за последние двести лет. Правда, представители компетентных органов пока не утверждают, что это было именно ограбление. «У нас есть несколько версий, – заявил начальник городского УВД полковник милиции Знаменский, – и одна из них: необычный акт мести либо со стороны конкурентов или вымогателей, либо со стороны обманутых вкладчиков. Мы работаем по всем направлениям и, я уверен, раскроем это загадочное преступление. И преступники скоро предстанут перед судом в результате проведенных оперативных мероприятий». Напомню нашим радиослушателям, что в исчезнувшем сейфе банка «Кредит» находились ценные бумаги и деньги, в том числе и в валюте, на общую сумму около пятисот тысяч долларов. Обещаем держать наших радиослушателей в курсе событий по мере поступления информации. Слушайте последние известия».

– Закрой рот, – сказала Р.М. Алешке. – Руки мыл?

И тут все заговорили разом, обсуждая это ЧП и высказывая свои предположения.

– Во хапанули гаврики! – восхитился с оттенком зависти Боцман.

– Как же это им удалось? – разводил руками Профессор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.